

«Чаще общайтесь с родными и близкими, особенно с родителями. Выделяйте для них какое-то время. Им порой так не хватает вашего внимания, хотя они могут и не говорить об этом». Так сказал нам с отцом Иван Михайлович Крестьянкин, когда мы решили проведать нашего родственника, всю жизнь посвятившего себя служению Богу и обитающего в Печеро-Псковском монастыре.

Было это в середине 90-х годов. Время тяжелое. Страну развалили. Выживали, кто как мог.

С Иваном Михайловичем мы переписывались. Я писал часто и большие письма. Делился новостями и событиями, передавал приветы от наших родственников, посылал ему свои новые рассказы. Он отвечал гораздо реже и в основном ближе к праздникам. Но радовался нашим успехам, хорошо отзывался о моих произведениях. Все-таки писать ему было, наверное, трудновато, ввиду своего почтенного возраста — как-никак восьмидесять с лишним лет. Порой конверты от него приходили подписанные разными почерками.

Мы с отцом долго собирались, все никак не удавалось поехать — какие-то обстоятельства возникали неожиданно и поездку откладывали. Но, наконец, я взял на работе три выходных дня, и мы отправились в путь.

Добрались до Пскова относительно быстро — слегка подремали и мы — на месте. До электрички, на которой нам нужно было ехать в Печеры, оставалось достаточно времени и поэтому мы побродили по городу, рассматривая достопримечательности.

Хоть я и послал Ивану Михайловичу письмо, что мы с отцом собираемся его навестить, но, думаю, вряд ли он успел получить мое послание.

Приехав в монастырь и поднявшись на второй этаж, где жил И. М. Крестьянкин, мы увидели возле его кельи множество народа, жаждущего поговорить со знаменитым старцем и получить его благословение. Увидев такую картину, мы подумали, что не скоро удастся пообщаться со своим родственником, такой популярностью он здесь пользовался. Но, проделав немалый путь, не уезжать же обратно. Из кельи архимандрита Иоанна Крестьянкина вышел средних лет монах, и мы через него попросили передать, что приехали проведать родственники. Вскоре дверь отворилась, и вышел сам Иван Михайлович. Он окинул взглядом всех находящихся в коридоре людей. Это был взгляд словно какого-то сказочного персонажа — доброго волшебника. На такие мысли навевала, конечно же, борода и по-детски открытая непосредственная улыбка. Слегка сощуренные подслеповатые глаза излучали столько тепла, что, казалось, оно заполонило весь коридор, спустилось на первый этаж и уже выплескивается на улицу.

Раздался гомон голосов, народ ринулся к старцу и сгрудился перед дверью. Мы стояли чуть поодаль, наблюдали эту картину и не мешали людям. Иван Михайлович заметил нас, узнал, качнул рукой, приветствуя. Мы с отцом кивнули в ответ и стали ждать, что будет дальше.

Из кельи вышел тот же самый монах с небольшой коробкой доверху заполненной различными конфетами — и шоколадными, и ирисками, и карамелью. Крестьянкин взял коробку, протянул маленькой девочке, стоящей впереди и погладил ее по голове.

Мужчины и женщины наперебой стали его о чем-то спрашивать, что-то говорили, передавали какие-то подарки. Старец каждому что-то ответил, дал какой-то совет, напустивал и благословлял. Добившись своего, верующие с просветленным взглядом отходили в сторону, забирали свои сумки, пакеты, кофты и довольные, успокоившиеся уходили прочь. Их место занимали другие. Но уже вскоре поток жаждущих обратиться на себя внимание знаменитого проповедника иссяк, и мы остались одни.

— Иван Михайлович, вы пользуетесь огромной популярностью, — сказал мой отец, Олег Александрович. — У вас столько много поклонников со всей России. Я слышал, здесь города называли, откуда люди приехали.

— Да, — заулыбался пожилой монах, обнимая своего племянника, а затем и меня. — Как у народного артиста.

Старец рассмеялся своей шутке.

— Да вы проходите в мои покои, что на пороге-то разговаривать.

— Не тяжело каждый день столько народу принимать, общаться? — поинтересовался отец. — Все-таки возраст...

— Тяжело, конечно,— вздохнул монах,— но что делать... Я же не артист какой-то, чтобы капризничать. Хоть девятый десяток идет полным ходом, но надо трудиться. А, потом, нельзя обижать людей, многие издалека приезжают. Каждого надо встретить добрым словом.

Нас усадили на диванчик, а старший Крестьянкин расположился напротив в маленьком кресле обтянутом белым материалом.

И пошли задушевные разговоры.

Ивана Михайловича интересовало все. Как мы живем? В каких условиях? Чем занимаемся? Где трудимся? Кого из родных видим? С кем общаемся? Переписываемся? У кого родились дети, внуки, правнуки?... Многих он помнит, о некоторых наших родственниках доходила скудная информация. Представители его поколения, близкие родные, пока были живы, изредка присылали письма. Теперь уже никого не осталось, а с молодежью он и не знаком, да и письма писать они не любители, наверное. Но все равно всех вспоминает и молится и о тех, кто уже ушел, и об их детях и внуках, порой даже не зная, как тех зовут.

— Как вы видите — живу в единении,— всплеснул руками хозяин кельи.— Только ты, Сергей, и пишешь. Хоть какая-то весточка и новости узнаю о своих родных в третьем, четвертом поколении.

Иван Михайлович положил мою руку в свою ладонь, стал гладить ее сверху, как будто успокаивал, снимал все отрицательное, нехорошее и заряжал своей мощной энергетикой.

— У тебя очень хорошие рассказы,— неожиданно, обращаясь ко мне, сказал он.— Я не беру сейчас литературную сторону. Не мне об этом судить. Но самое главное — это доброта, которая присутствует во всех твоих произведениях. Доброта, переживание и сострадание к людям и животным. Это очень немало важно для пишущего человека, который хочет о чем-то рассказать, чем-то поделиться с читателями. У тебя есть свой взгляд на окружающий мир, и чувствуется большое доброе сердце. Продолжай дальше, совершенствуй свой стиль. И, скорее всего, рассказы найдут отклик в душах людей. Тем более, в наше смутное время очень не хватает таких добрых, светлых повествований. Огромное государство развалили. Россия сейчас в трудной ситуации.

Иван Михайлович задумался, продолжая поглаживать мою руку, а затем произнес:

— Я не прорицатель, но скажу так. Нашей стране сложно. Но это — великая страна. Пройдет какое-то время — лет десять и она вновь окрепнет и станет сильной и мощной державой. И те, кто от нее отсоединились, вернуться. Нельзя так резко оборвать связи, сложившиеся исторически. Это окажутся другие связи на новом уровне. Государства, которые мечтают о мировом господстве, конечно, будут недовольны и всячески станут расшатывать устои России. Но она устоит и окрепнет еще больше. Русские всегда недовольны своим правительством. Но когда угроза поступает извне, то наш народ сплачивается и всем миром отстаивает свое государство. В этом — сила нашего народа. Только так Россия выстаивала перед общим врагом уже не единожды. А нам остается набраться терпения и верить, что появятся другие руководители, которые смогут вернуть государству былую мощь и славу. Я постоянно молюсь об этом.

Надо отметить, что это было сказано в середине 90-х годов...

Несколько часов мы беседовали со своим родственником на разные темы. Показывали фотографии, дарили сувениры, угощали тульскими пряниками.

В таком преклонном возрасте Иван Михайлович сохранил ясный ум и прекрасную память. А самое главное, как бы ни было трудно, и в какие бы сложные ситуации не попадал, он остался добр к людям и для каждого находил заветное слово.

За разговором, как известно, время совсем не замечаешь, а тем более с таким интересным собеседником, как наш родственник. Мы стали собираться, чтобы не опоздать на поезд, да и Ивану Михайловичу, как нам казалось, требовался отдых. Но он вызвался нас немного проводить. Хоть тело и ослабело с годами, но сила духа осталась крепка. Спускался по лестнице не так бойко, как раньше, опираясь на мою руку.

Выйдя из здания, мы прошли недолго по аллее и Иван Михайлович остановился. Дальше дорога стала забираться круто вверх.

— А, смотрите, как здорово получается — три поколения Крестьянкиных сегодня собрались,— задумчиво произнес монах.— Вы — молодцы, что приехали. Даст Бог, еще свидимся. Приглашаете в гости? Спасибо. Но ехать мне тяжело, да и одежда только монашеская — другую не ношу. Последний раз выбирался лет двадцать назад на юбилей к своему брату Константину. (Константин Михайлович Крестьянкин — преподаватель института Культуры и гример Орловского драматического театра, родной брат И. М. Крестьянкина. Примечание автора). Верьте в свои силы и в людей. Творите добрые дела. За добро добром вам воздастся. И у вас все получится. Все будет хорошо.

Мы обнялись на прощание с нашим замечательным родственником и стали подниматься к воротам одни. Уже у самого выхода обернулись и увидели, что Иван Михайлович никуда не ушел, а стоит на том же месте, смотрит вслед и слегка помахивает рукой, словно передавая нам с отцом свою энергетiku, делясь своими силами и вселяя в нас надежду на будущее.

Мы помахали в ответ и вышли за ворота.

Был конец августа, погода стояла ветреная, холодная. Накрапывал дождик. Но лишь только мы с отцом переступили порог монастыря, ветер затих, дождь прекратился, и в просвете облаков показалось солнце. Зачирикали воробы.

Сразу стало как-то тепло и спокойно на душе.

Wetter, Германия